

«АРХИПОВА И ГЕРГИЕВ ПРЕДСТАВЛЯЮТ»

ИМЕНИНЫ СЕРДЦА

Культура. — 1995. — 10 июня. — С. 8.

Такого на «Певческих биеннале» еще не было. Рок, взявшийся самолично плести интригу фестиваля, перетасовал карты устроителей и выложил под занавес первого из двух его сезонов козырную. Тот, кто должен был открывать фестиваль, выступил последним, обеспечив многострадальному проекту блистательную кульминацию, — в течение десяти минут после «бисов» зал стоя аплодировал солисту «Метрополитен-опера» Владимиру Чернову.

История его взлета — сколок излюбленного миром сюжета, где действует счастливый случай и торжествует справедливость, воздавая за талант и вознаграждая за терпение.

Ему уже было 35 лет (восемь из которых он проработал в Кировской опере, выходя на два-три спектакля в месяц и мучаясь сомнением — нужен ли я вообще театру?), когда случайно, оказавшись в Госконцерте, он встретил Сару Колдуэлл, искавшую русских исполнителей для своего музыкального фестиваля в Бостоне. Предложенный ею контракт стал первым в его жизни, но это был только шанс.

После нескольких успешных выступлений на Восточном побережье ему организовали прослушивание в известном агентстве «Columbia artist», которое незамедлительно, после первых двух арий, включило его в число своих клиентов, — это была уже удача. Но когда новая, от «Columbia», серия прослушиваний, в том числе в «Мет» у Джеймса Ливайна, завершилась подписанием пятилетнего контракта на участие Чернова в двух вердиевских постановках «Мет» ежегодно, это была уже судьба.

В сезоне 1990/91 г. он дебютировал на нью-йоркской сцене партии Шарплеса в «Мадам Баттерфляй» (Пинкертона тогда пел Доминго). Потом последовали «Сила судьбы», «Дон Карлос», «Трубадур»... Слова Ливайна: «Мы, наконец, нашли такого вердиевского баритона, которого давно не было на оперной сцене», — облетели весь мир. И сегодня без Чернова не мыслят свои грандиозные вердиевские проекты — а в 2001 году мир готовится отметить столетие со дня смерти композитора — ни «Мет», ни Венская Штаатсопера, ни «Ковент-Гарден». Надо ли говорить, что заявленные в программе московского концерта певца номера из опер

великого итальянца ожидалось с особым интересом?

Чернов спел в конце вечера Монолог Форда из «Фальстафа», Сцену смерти Родриго из «Дон Карлоса», Сцену и арию Ренато из «Бала маскарада». Ясно. Просто. Красиво. И все? — спросите вы. Все. Зал неистовствовал.

И, может быть, в этом восторге было не только признание события (а такое безупречное по стилю исполнение — событие), но и вздох облегчения. Чем прекраснее обещание, тем страшнее обмануться. Не обманулись. Но по крайней мере автор этих строк поволновался. Потому что путь певца к вердиевским вершинам был не совсем гладким.

В первом отделении он, казалось, «притирался» к залу, в котором не пел много лет. В его благородной фактуре голоса «слышались» комки, в верхнем регистре звенело напряжение. Это все скоро исчезнет, но Чайковский все-таки пострадать успел... Зато те романсы, которые певцу удалось, подарили сказочные ощущения.

«О нет, молю, не уходи», «В молчаньи ночи тайной» Рахманинова, «Царскосельская статуя» Кюи были уже не любовной исповедью или элегическим взглядом на предмет парковой архитектуры. Чернов (разумеется, с помощью своего давнего партнера, неподражаемого Важи Чачавы) рисовал почти абстракции, некие «чувственные пятна», в которых слово растворялось, но, теряя свою «независимость», насыщало их цветом. Это было уже что-то близкое инструментальной музыке (или просто — Музыке?), не нуждающейся в поддержке слова, чтобы реанимировать давно увядшее чувство или вернуть в бездну катарсиса.

И тут невольно вспомнилась предыдущая героиня «Биеннале», выбравшая для своего дебюта в Москве тоже «романсовую» программу и тоже блеснувшая чудным светом на фестивале небосклоне, — Галина Горчакова. Но если Чернов, всегда вольготно чувствующий себя на камерном пространстве, знал, что проиграть он здесь не может, то петербургская певица, лишь год как осваивающая камерный репер-

туар, не могла не знать, что рискует.

Она и в самом деле показала еще примерной ученицей, старающейся ответить урок в мельчайших подробностях. Наверное, это естественный этап в освоении музыкальной лирики, но уже хочется и обобщения, чуть отстраненного взгляда на себя как героиню романа, что только добавит цельности и выразительности ее историям.

А там дело, может быть, дойдет и до «чувственных пятен».

Горчакова еще не выиграла на этом поле боя, но и не проиграла. Потому что, наверное, мало кто в публике не восклицал про себя, слушая ее: «Как-то красивая, вальжная, дивноголосая птица!» Но, может быть, и ей, привыкшей к оперной воле — мощным звуковым потокам, сильным страстям, спустя время суждено стать

мастером в жанре «музыкального рукоделия» — кто знает?.. Ведь пять-шесть лет назад никто не знал и что Владимир Чернов, завоевавший дома известность как камерный певец, но пребывавший в тени как оперный, вдруг станет «звездой» мировой величины именно в опере.

...Тут, описав последних героев первого сезона «Певческих биеннале», можно было бы по-

ставить заключительное многоточие — потому что продолжение следует. Но, послушно следуя всем изгибам фестивального руслу, нам предстоит по примеру устроителей бросить и итоговый взгляд на пройденный путь. И сделать это можно с нескольких точек зрения.

К примеру, почему бы не взглянуть на фестиваль как на конструкцию? Красивая в чертежах, она оказалась непрочной в реальности — два подряд фальстарта вначале, следовавшая затем пара неверно — «не из той оперы» — взятых нот, несостоявшиеся в половине случаев из-за крайней занятости участников встречи в музейной квартире Неждановой, отмена обещанных гастролей Мариинского театра на сцене Большого. Похоже, трещащая по швам конструкция и породила ту бурю разочарований и кривотолков, что кружила вокруг фестиваля весь сезон. Дабы не провоцировать ее вновь, в будущем организаторы заменят жесткий план проведения на «скользящий график», а имена участников будут открывать лишь за несколько дней до их приезда в Москву. Так что интригующий флер, но уже рукотворный, будет окутывать «Биеннале» и в новом сезоне.

Можно взглянуть на фестиваль и как на серию вокальных концертов, в каждом из которых находился неповторимый герой, творящий свой музыкальный мир, — следовательно, находился и предмет для рецензии. Причем «оценочную» планку здесь установили сами организаторы, охарактеризовав приглашенных артистов как «лучших представителей мирового вокала», «чей творческий потенциал сопоставим сегодня с уровнем таких признанных «звезд», как М. Френи, Л. Паваротти, П. Доминго...»

Говорят, заниматься ловлей блох — тут недотянуто, там смазана фраза — под сенью столъ великий крыл плохо. И правда. Но не потому, что никто не застрахован от досадных промахов (только чем их больше, тем больше и сомнений в «звездности» вокалиста)... Нет, нападающая вдруг страсть к мелочной бухгалтерии в святилище искусства нехороша тем,

что являет собой верный знак — здесь нет магии. В зал выплеснулись звуки, но не та иррациональная сила, в волнах которой тонут все неточности и которая есть одно из неотъемлемых свойств настоящей «звезды».

Между тем, это ощущение неординарности происходящего подарили далеко не все участники «Биеннале», и в этом смысле «звездный» фестиваль вышел неровным.

Но можно, наконец, взглянуть на него и как на культурное явление. И тогда в неравнозначных фестивальных концертах обнаружится кое-что общее. Почти каждый пролился на душу «вокаломана» тонизирующим бальзамом, настоящим на десятке «трав», — тут и радостное предвкушение встречи со старым знакомцем, и волнующий вопрос «Каким он стал?», боязнь разочарования и желание любить по-прежнему, воспоминание о былых минутах счастья и благодарности за нынешний приезд, волшебство слов «Ла Скала», «Ковент-Гарден» и своеобразная прелесть фестивального ритуала с неизменным явлением публике обожаемой ею царицы.

Определенно, доля финальных аплодисментов предназначалась и ей, придумавшей все это теперь, когда вокально-концертная жизнь в стране потускнела. Могикане постепенно уходят со сцены. Лучшие мастера в расцвете сил уже принадлежат миру, молодые таланты активно тот мир осваивают — и те, и другие домой приезжают нечасто. Но большей частью потому, как признались по крайней мере участники «Биеннале», что не приглашают. Ирина Архипова пригласить догадалась. Обещать привычные теперь для наших артистов гонорары не могла, но о соблазнительных приманках, как то — достойный прием, съемки фильма, выпуск компакт-диска, позаботилась, разумеется, с помощью соратников: театрально-концертного агентства «Жар-птица» и страхового акционерного общества «Кредо».

В результате обе всегда нуждающиеся в свидании стороны — публика и артисты — сошлись. Высекавшая при этом искра осветила целый сезон — еще неярким, еще прерывистым светом. Но если «продолжение следует», может быть, впереди мы увидим и пламя.

Л. ДОЛГАЧЕВА.

Восемь лет назад в Хельсинки

Это сейчас за Владимиром Черновым стоят в очереди западные театры. А восемь лет назад мало кто знал этого талантливого певца, хотя в Финляндии он имел огромную популярность благодаря триумфальной победе на конкурсе в Хельсинки — Гран-при и специальная премия имени Тито Гобби.

Узнав, что близ финской столицы в городе Эспоо живет аккомпаниатор Федора Ивановича Шалапина, известнейший в Финляндии (и совершенно не известный у нас) композитор, пианист и дирижер Жорж де Годзинский, Владимир Чернов очень захотел с ним увидеться. Знакомство состоялось прямо перед зданием Финской национальной оперы (этот момент и запечатлел мой фотоаппарат). Здесь в ноябре 1935

года впервые встретились Ф. И. Шалапин и молодой Георгий, уроженец Петербурга.

Разговор Годзинского и Чернова на улице был недолгим, они сразу же направились в Оперу к роялю. Георгий Францевич — как он просит себя называть, общаясь с русскими — подробно рассказывал о длительных, на целый полгода, гастрольях с Шалапиным в Японии и Китае, состоявшихся в 1936 году.

Постепенно перешли к музицированию, хотя специально к этому и не готовились. Но разве усидишь вот так просто с самим аккомпаниатором Федора Ивановича!

Эта встреча — мгновение в жизни выдающегося мастера и молодого певца, но Владимир Чернов постоянно и с большим уважением и благодарностью вспоминает, что ему посчастливилось прикоснуться к живой памяти о Федоре Шалапине.

Николай ГОРБУНОВ.

● Жорж де Годзинский и Владимир Чернов.

Фото автора.